

АЛЕКСЕЙ
ЦВЕТКОВ

СОСТОЯНИЕ
СНА

ЦВЕТКОВ

СОСТОЯНИЕ СНА

АРДИС

Книги Алексея Цветкова

Сборник пьес для жизни соло (1978)

Состояние сна (1981)

АЛЕКСЕЙ
ЦВЕТКОВ

СОСТОЯНИЕ
СНА

АРДИС

СОСТОЯНИЕ СНА

Copyright © 1981 by Alexei Tsvetkov

ISBN 0-88233-710-6 (cloth)

ISBN 0-88233-712-2 (paper)

Published by Ardis

2901 Heatherway

Ann Arbor, Michigan 48104

ОТ АВТОРА

Некоторые из публикуемых здесь стихотворений были впервые напечатаны в журналах "Континент", "Время и мы" и "Эхо". Пользуюсь случаем выразить благодарность их редакциям.

СОСТОЯНИЕ СНА

СОСТОЯНИЕ СНА (1978-1980)

*румяным ребенком уснешь в сентябре
над рябью речного простора
луна в канительном висит серебре
над случаем детства простого
сквозная осина в зените светла
там птица ночует немая
и мать как молитва стоит у ствола
нечаянный сон понимая
и нет тишины навсегда убежать
кончается детство пора уезжать*

*едва отойдешь в меловые луга
в угоду проснувшейся крови
серебряной тенью настигнет луна
вернуть под плакучие кроны
упрячешь в ладони лицо со стыда
в испуганной коже гусиной
но нежная смерть словно мать навсегда
в глаза поглядит под осиной
венец семизвездный над ночью лица
и детство как лето не знает конца*

я порядка вещей не меняю
осторожно и строго живу
нынче руку в запас увольняю
завтра ногу ссылаю в туву
учреждаю в австралии лето
погружаю европу в снега
только слышно по глобусу где-то
одинокая бродит нога

я природы проверенный флагман
облекающий в факты слова
о единственно верном и главном
рассуждает моя голова
этот труд ей высокий неловок
с перегреву легко польсеть
но зато из возможных веревок
ей на лучшей дадут повисеть

две недели без перемен
я любил тебя мэри энн
две недели без лишней крови
по отвесной ступал кайме
как лунатик на скате кровли
с недокрученным сном в уме

в продолжение этих дней
становилась мне все видней
проявляясь как бледный снимок
пропасть яви у самых ног
но пока ты мне резче снилась
я уйти от тебя не мог

ты была словно краткий плен
больше нет тебя мэри энн
мы впотьмах потеряли связку
заблудились в печном дыму
и до нас дописали сказку
о герасиме и муму

отверни гидрант и вода тверда
ни умыть лица ни набрать ведра
и насос перегрыз ремни
затупился лом не берет кирка
потому что как смерть вода крепка
хоть совсем ее отмени

все события в ней отразились врозь
хоть рояль на соседа с балкона сбрось
он как новенький невредим
и язык во рту нестерпимо бел
видно пили мы разведенный мел
а теперь его так едим

бесполезный звук из воды возник
не проходит воздух в глухой тростник
захлебнулась твоя свирель
прозвенит гранит по краям ведра
но в замерзшем времени нет вреда
для растений звезд и зверей

потому что слеп известковый мозг
потому что мир это горный воск
застывающий без труда
и в колодезном круге верней чем ты
навсегда отразила его черты
эта каменная вода

от самого райского штата
в любом околотке жиллом
душа как кандалная шахта
в сибире выходит жерлом
однажды дотошный геолог
пожравши пихтовых иголок
ее на планшете простом
отметит корявым перстом

пойдут озорные заряды
кромсать мезозойскую плоть
и поздно от этой заразы
прививки в предплечье колоть
напрасно венерик божится
с блядами вовек не ложиться
бациллы спустились в забой
и нос не подходит резьбой

мне снится сеченье колодца
тротила с полсотни кило
я насмерть готов уколоться
об это тупое кайло
летят перелетные стаи
пейзаж стрекозиный сетчат
и прошлые звезды как сваи
с изнанки в сетчатку стучат

как в застолье стаканы вина
я вещам раздавал имена
в мастерской миростроя московский студент
кругозора наследный царек
я примерил к руке штыковой инструмент
и лопатой лопату нарек

что-то двигало мной наобум
упражнять ученический ум
словно флагманский вол со слепнями в мозгу
по хребту роковой холодок
все предметы природы я вел на москву
на словесный беря поводок

в типографском раю букваря
я язык коротал говоря
но трещат на предметах имен ползунки
врассыпную бредет караван
и лопата на плахе дробит позвонки
и копает луна котлован

я прибился к чужому крыльцу
больше челюсти мне не к лицу
поднимаются тучи словарной золы
звуки мечутся как саранча
хоть литоту лопатой отныне зови
хоть мочалом долби солончак

когда споем на берегу
сигнальная труба
посеют в поле белену
ударники труда
трубач сыграет молодой
лиловые уста
и время выпрямит ладонь
фалангами хрустя

мы были втянуты вчера
в опасную игру
звенит на пасеке пчела
медведь рычит в бору
звезды оптический намек
молочная кутья
на трубаче пиджак намок
от медного дутья

трубач рождается и ест
и времени полно
но генералом этих мест
останется оно
никто в природе не умрет
в отмеренные дни
пока часы идут вперед
пока стоят они

вид медузы неприличен
не похвалим и змею
человек любить приучен
только женщину свою
обезумев от соблазна
с обоюдного согласия
он усердствует на ней
меж кладбищенских камней

а змея над ним смеется
рассуждает о своем
то восьмеркою совется
то залется соловьем
у нее крыло стальное
в перьях тело надувное
кудри дивные со лба
невеселая судьба

в этот год передышки от кутежей и охот
говорил мне врач затевая дневной обход
не кори меня фрейдом все ж таки там европа
там и виски с содой и лед даровой а здесь
со времен батыя хоть пей хоть в петлю лезь
перегрев воды недолив сиропа

(в этот медленный год дожидаясь конца зимы
я друзьям по палате таблетки ссужал займы
скрежетали дни словно в клюзе цепные звенья
по утрам старожил на уборку шагал с ведром
променяв свободу на корсаковский синдром
и на бред подозренья

календарь уверял что покуда мы здесь лежим
в двух столицах земли успешно сменен режим
два народных вождя безутешно почили в бозе
но со всей москвы словно редкую дичь в музей
два кряжистых атлета везли нам новых друзей
на лихом чумовозе)

я ответил ему мне до лампочки фрейд и фромм
раз уж перхоть пошла то спокойнее топором
я знаток златоуста и с ангелами на ты я
но скажи блюстителю с клистирным железом в говне
отчего эта перхоть все время лежит на мне
от молодых ногтей со времен батыя

еще я память пробую слегка
как теребят вздремнувшую болонку
и наготове долгая слега
для медленных кочевий по болоту
еще в резину грубую обут
нашариваю спички по карманам
но те что в лодке съедены туманом
хоть криком разорвись не догребут

сулит лоза сомнительную гроздь
глушить тоску по отчету китаю
чего же я как маскарадный гость
чужое чувство юмора пытаю
стоят в глазах болотные огни
кромешный свет по гринвичу раздвоен
но тем что в лодке выбор не позволен
и все гребут стараются они

воспоминаньем о погромах
под исполкомовский указ
в больших петуниях багровых
бывали праздники у нас

мы выходили по тревоге
изображая без вины
кристалл германия в триоде
где дырки быстрые видны

с утра садилась батарейка
сползал родительский пиджак
и мертвый завуч крамаренко
в зубах петунию держал

в оркестре мельница стучала
земля ходила ходуном
другая музыка скучала
в порожнем сердце надувном

мы перли в адские ворота
под оглушительный металл
и мертвый завуч как ворона
в зените с песнями летал

в этом риме я не был катонем
и по-прежнему память мила
о заброшенном сквере в котором
приучали к портвейну меня

но когда по стеклу ледяному
проложили маршрут на урал
мне на флейте одну идиому
милицейский сержант наиграл

я пытался на скрипке в октаву
только септимой скреб по струне
как со шведским оркестром в полтаву
гастролировал я по стране

из одной всесоюзной конторы
намекнули в избытке души
не годишься ты парень в катоны
но и в цезари ты не спеши

я простился с невестою олей
корешей от себя оторвал
потому что в период гастролей
не умел удержать интервал

потому что за дальним кордоном
где днепровская плещет вода
преуспел я в искусстве в котором
я катонем не слыл никогда

нет не полюса я покоритель
отменить эту песню пора
я чужого труда повторитель
пристяжной арендатор пера
жилярди у ворот казакова
в нетерпенье покуда сгорят
как в сенях запасной казанова
на спортивный стремится снаряд
я орфей под диктовку декана
эвридика моя не диана
соискатели вам доложу
на любом сантиметре дивана
подвергали ее дележу
что бы спел казаков с пьедестала
неживой попугай на жерди
чтобы кровь его течь перестала
из разорванных жил жилярди

(не притязая на глубину ума
в скобках замечу в последнее время не с кем
словом обмолвиться ни обменяться веским
взглядом ввиду отсутствия слова в карма-
не обольщен кругосветным застольем одесским
а в остальные покуда не вхож дома

бывший герой перестрелки бульварных мо
нынче за словом в проруби шарю донкой
наедине с собой словно кот в трюмо
перестаю разбираться в оптике тонкой
понаторевший во всем помыкать в семье
с детства уже ничем не взорву этот плоский
стиль и пишу с анжамбман как носиф бродский
чтоб от его лица возразить себе

даже дефектом оптики не страдая
свет отраженья не удержать в горстях
это понятно по вечерам когда я
сам у себя безуспешно сижу в гостях
впору в трюмо огласить манифест и будто
дело к реформе но как обойтись без бунта
где-то под тверью в неведомых волостях)

когда позволяет погода
над желтой равниной погона
насквозь прожигая зенит
железное око звенит
подернута дымом терраса
как будто за дачной стеной
змеистый ублюдок триаса
желудок продул жестяной
от камня хивы и коканда
до самой карибской воды
грозы золотая кокарда
на все полыхает лады

когда настигает погоня
в лесах нелюдистой мордвы
над звездной долиной погона
глаза золотые мертвы
зачем же над каждой бумажкой
напрасной страдать головой
предмет эволюции тяжкой
в огромной броне роговой
над садом внимательной гнозы
гремят генеральские грозы
построены рыбы в струю
стрижи в караульном строю

невесомости местный повеса
в стратосферу свободный прыжок
кругосветный шиповник прогресса
огоньками пространство прожег
подо мной жестяные коробки
городов световая икра
этот вздох этот воздух короткий
покидать мне пока не пора

там где ветхая осень пожару
подвергает орех и ольху
только медленно падать пожалуй
остается вещам наверху
над шиповником дальнего крыма
после принятой дозы вина
звуковая сигнальная рыба
просвещенному глазу видна

перелетные лопасти клином
бортовые огни на корме
и кому в этом времени длинном
в неизбежном признаться уме
как ненужный предмет говорящий
осмотревший орешник горящий
я сорвусь безусловной зимой
в этот год в этот город немой

снится мне волги привычный седан
темный колодец шашлычной севан
полночи спасская тема
внуковский вой и салют на реке
все что кормило меня в парнике
этого мозга и тела

в оспинах яви текущий фантом
труп на трибуне с багровым бантом
летопись жизни готовой
буквы бастуют и почерк продрог
плыл бы уже как иона-пророк
прочь от икоты китовой

дерево сердца растительный мрак
стереометрия классовых драк
в тесном объеме эпохи
потному сну истечения нет
это телок заблудившихся лет
с плеском роняет лепехи

четкий теленок чумная овца
просто не прожита мной до конца
ночи законная квота
просто отсрочен библейский финал
в бешеном кашле зашелся финвал
выблевать силясь кого-то

рано утром над рекой
слышен топот конский
дует в долгую трубу
храбрый инвалид
семафорит палашом
герцог веллингтонский
бонапарта сей секунд
победить велит

император александр
крепко держит слово
зря не мелет языком
словно канарей
он загнал свои войска
аж под ватерлоо
чтоб совместно защищать
братских королей

государь хорош собой
и любим в народе
он монархам всей земли
как братан родной
наливает меттерних
графу нессельроде
за победу говорит
ебнем по одной

бонапарт своих штабных
материт безбожно
пушки ядрами плюют
кровь бежит рекой

нессельроде не дурак
за победу можно
но нащупал артишок
бдительной рукой

на елене на святой
меблируют домик
узурпатору хана
нанесли урон
вы пожалуйста в париж
гражданин людовик
возведите организм
на бурбонский трон

меттерних упал в салат
спирт шибает в бошку
нессельроде кличет баб
рад прилечь с любой
аракчеев достает
хохломскую ложку
ест ботвинью из ковша
некрасив собой

беззвучный рот плерома разезает
по именам предметы вызывает
пора природу мыть и убирать
давайте понемногу умирать

а мы ночлегом заняты под утро
не чуя в пищеводах пирамид
как медленная медная полундра
по кегельбану млечному гремит

мерцает воздух в шепоте крысином
в проем ворот нацелено бревно
не камни мы но с нашим керосином
и худшее проспать немудрено

в ночной казарме душно и матрасно
стучит будильник глуше и скорей
железный век устроенный напрасно
срывается с шумерских якорей

ах белочка росинка одуванчик
картонный лес зажмурься и обрежь
все собрано в казенный чемоданчик
и нет слюны заклеить эту брешь

писатель где-нибудь в литве
напишет книгу или две
акын какой-нибудь аджарский
уйдет в медалях на покой
торчать как минин и пожарский
с удобно поднятой рукой
не зря гремит литература
и я созвездием взойду
когда спадет температура
в зеленом бронзовом заду
мелькнет фамилия в приказе
и поведут на якоря
победно яйцами горя
на мельхиоровом пегасе

дерзай непризнанный зоил
хрипи животною крыловской
недолго колокол звонил
чтоб встать на площади кремлевской
еще на звоннице мирской
возьмешь провидческую ноту
еще барбос подымет ногу
у постамента на тверской

в итоге игровой сечи
в моторе полетели свечи
кончак вылезает из авто
и видит сцену из ватто
плашмя лежат славянороссы
мужиковеды всей тайги
их морды пристальные босы
шеломы словно утюги
повсюду конская окрошка
евреев мелкая мордва
и ярославна из окошка
чуть не заплакала едва

кончак выходит из кареты
с сенатской свитой и семьей
там половецкие кадеты
уже построены свиньей
там богатырь несется в ступе
там кот невидимый один
и древний химик бородин
всех разместил в просторном супе

евреи редкие славяне
я вам племянник всей душой
зачем вы постланы слоями
на этой площади большой
зачем княгиня в кухне плачет
шарманщик музыки не прячет
плеща неловким рукавом
в прощальном супе роковом

что за несвойственные в голову
приходят мысли в ванной голому
пока стоишь двумя ногами
и понимаешь не трудясь
что меж античными богами
таких не видел отродясь
а между тем повыше ярдом
к аплодисментам голодна
известным лириком и бардом
прослыть мечтает голова

живите в дружбе члены тела
как бы золовки и зятя
чтоб вас космическая тема
не занимала в час мытья
не дело преть в презренье кислом
ходите в душ по четным числам
где бойлер голубем галдит
и голова с глубоким смыслом
на ноги голые глядит

в тесноте нефтеносной системы
не имея товарной цены
деликатные птицы свистели
аккуратные травы цвели
в середине иного куплета
бронейные шершни вокруг
простирали к начальнику лета
шестерни одинаковых рук
лопасть света росла как саркома
подминая ночную муру
и сказал я заворгу райкома
что теперь никогда не умру

в пятилетку спешила держава
на добычу дневного пайка
а заворг неподвижно лежала
возражать не желая пока
ей понятно устройство системы
реактивное небо над ней
а кругом духовые секстеты
подгоняли движение дней
но земля ликовала уликой
в межпланетном просвете окна
и одной осторожной улыбкой
никогда повторила она

пока страна под мерином худым
разводит ноги до кровавых пятен
мы до инцеста любим отчий дым
и труп отца нам сладок и приятен

сограждане содомляне орлы
закладывайте мерина в поездку
не то как раз президиум орды
поставит в кулинарную повестку

пленарный завтрак всех колен и рас
содружество портвейна и солянки
трубит оркестр прощание славянки
с евреями по счастью в этот раз

державный смотр охочим иокастам
играй в штанах могучий кладенец
пока славянка стонет под оркестром
и красного в стакане по венец

уже и год и город под вопросом
в трех зонах от очаковских громад
где с участковым ухогорлоносом
шумел непродолжительный роман
осенний строй настурций неумелых
районный бор в равнинных филомелах
отчества технический простой
народный пруд в розетках стрелолоста
покорный стон врача-специалиста
по ходу операции простой

америка страна реминисценций
воспоминаний спутанный пегас
еще червонца профиль министерский
в распластанной ладони не погас
забвения взбесившийся везувий
где зависаешь звонок и безумен
как на ветру февральская сопля
ах молодость щемящий вкус кварели
и буквы что над городом горели
грозя войне и миру мир суля

торговый ряд с фарцовыми дарами
ночей пятидесятая звезда
на чью беду от кунцева до нары
еще бегут электропоезда
минует жизни талая водичка
под расписанием девушка-медичка
внимательное зеркало на лбу
там детский мир прощается не глядя

и за гармонию подгулявший дядя
все лезет вверх по голому столбу

вперед гармонию дави на все бемоли
на празднике татарской кабалы
отбывших срок вывозят из неволи
на память оставляя кандалы
вперед колумбово слепое судно
в туман что обнимает обоюдно
похмелье понедельников и сред
очаковские черные субботы
стакан в парадной статую свободы
и женщину мой участковый свет

какие случаи напрасные везде
недоумения пехотные окопы
и нет у лошади советчика в езде
ни у неясности наставника охоты

бывало паузу в песчанике проешь
себя же в задницу коленями толкая
но остановишься и некуда промеж
раз по бокам фортификация такая

врубают стерео в моторе ток силен
мослы текинские в старорежимном ворсе
окликнешь кореша из сумерек семен
и ждешь уверенный а он григорий вовсе

совиный выводок молочный коридор
стожары высветили лопасти ушные
что за умора что за камень-конемор
не описать какие случаи смешные

все передвинуто не помнит прошлых мест
под током трещина считает обороты
а тело теплится кромешный камень ест
и жить дрожит и держит ножик обороны

пока переживать созданию не больно
наследным недорослем после дележа
безмолвствует оно и думает невольно
взволнованную речь на привязи держа
в свистящем воздухе пасется мышь слепая
подводный крокодил мелькает на волне
но в центре трех стихий по камешкам ступая
уже не вовсе зверь еще не бог вполне
кругом восторженные ангелы и гады
мигают нимбами и пресмыкнуться рады

помедлит возгордясь на разводном мосту
тюльпан затеплится в петлице вицмундира
где время празднует на пристани мортира
с цветком на лацкане с безмолвием в мозгу
любезный воздух мой и ты моя вода
и гад заоблачных ненужное летанье
невидимых камней подземная война
все передано мне в удел и пропитанье
который на мосту от радости стою
то речь проговорю то музыку спою

так думает оно пересыхая в шепот
а ночь его сестра как неизвестный негр
с подследственных небес свергает звезды в штопор
и магменный язык зовет из древних недр
но существо не замечает эту гостью
и переходит мост постукивая тростью

как я выгляжу серьезно
отражаясь от воды
все лицо мое серьезно
вроде узника орды
то ли жизненные соки
скифский холод прохватил
то ли галлиевой соли
с угощением проглотил

крепко спит мое либидо
как в торосах колыма
знать была ему обида
от чрезмерного ума
просыпаюсь в сильном горе
прямо в ванную ползу
где лицо мое нагое
опрокинуто в тазу

тяжко жить голуба люций
без внимательных подруг
от младенческих поллюций
до приапových потуг
то ли резвого мальчонку
для острастки завести
то ли с горя на мошонку
нож кухонный занести

зачем луны румяный овощ
поет усталым голоском
и от семьи какая помощь
в большом запое городском
там гегемон как некий голем
живет единым алкоголем
с радиоточкой и котом
но он страдает не о том

в окне свирепствует европа
сквозные улицы пусты
уже какого-то укропа
готовы целые кусты
немногословные собаки
едят скелетики салаки
прохожий занялся грехом
на детской девочке верхом

напрасно девочка умрет
кирличный мир над миром замер
на крестовину ставни запер
труда чрезмерного урод
портвейна временный правитель
и пьяный кот его приятель
с радиоточкой молодой
рекордный помнящей удой

над нами глумились тираны
мозги с колыбели ебли
а матери наши стирали
и в школу совали рубли

мы были недобрые дети
в подпольном больном мятеже
(но глупые матери эти
понять не умели уже)

на свадьбах партийных гостили
трезвели в приокском хвоще
при этом усердно костили
каких-то тиранов вообще

мы верим в страдания наши
как в зайца лихие ловцы
не нам ли березовой каши
в штаны подсыпали отцы

давайте рассудим научно
спокойно в траве полежим
нам умные боги нарочно
придумали этот режим

убогие братья тираны
нелепая в липах родня
пудовые наши тетради
с глаголами судного дня

я с детства такие мараю
я кедры свожу на корню
и этой банальной моралью
к сонтию музу клоню

ничего не жалею теперь я
ежедневным вертась воробьем
за старинную доблесть терпенья
и воды вертикальный объем

этой греческой птицы манеры
смотровые деленья котла
темперамент гренландской морены
разутюжившей душу дотла

в отпуску мои детские боги
все бывшее в себя влюблено
педагоги мои педоноги
брахорукие псы облоно

золотой олимпийской оливой
инуитским китом на кости
не упрямым в воде торопливой
воробьем воробьем посвисти

в кристаллическом звоне зимовья
где и мозг незаметный затмен
ни ума ни огня ни зубов я
ничего не желаю взамен

невидимую жизнь морскую
писать с природы не рискую
по всей земле кишит змея
эфир колибрями летаем
один за всех необитаем
живу хоть сопли из меня

несметны вражеские звери
жуков непуганые тьмы
такие медленные змеи
с продолговатыми детьми
и царь природы отцебык
забыт поодаль от собак

вот краски прежнего пейзажа
цветные птицы голодны
больного автора пижама
прибор промозглой головы
сегодня смерть его невеста
змеи родительской лютей
но смерть науке неизвестна
она лишь опиум людей

под каждым годовым делением
людей встречаю с удивлением
один блондин второй араб
других каких-нибудь пора б

я тоже родом из младенца
как из растения бревно
но если толком приглядеться
с девицей спутать мудрено
нас эта разница простая
гнетет в мужчину вырастая
один прораб второй еврей
других каких-нибудь скорей

оставьте русскому россию
возьмите немца под конвой
позвольте бедного разиню
ходить без лычки полковой
пускай не слишком понимает
плевки с паркета поднимает
любой народ его ласкай
другой какой-нибудь пускай

я убит стремительным гранатом
древних дней голуба и орел
на меня патологоанатом
херочинный ножик изобрел
почестей покойному не надо
он усоп как на зиму барсук
разве вот варшавский пакт и нато
саданут над гробом из базук

срочной гибели макет олений
зрак невозродимого быка
из одних обыденных явлений
молодость устроена была
за коцитом светляки и сван
комаров коммерческие стаи
дворников дамасские мечи
святки в инсулиновой палате
корешки квитанций об уплате
ниагары пролитой мочи

жаль я музыку играть не гершвин
бритым бархатом ушей не грешен
вепрь недреманный хоть тот же лось
жалко умер вот не то б жилось

за ваши прелести толпа
не предлагаю и клопа
мне гадки эти идеалы
как запах из-под одеялы
куда нежней сидеть в окне
погоде радоваться разной
карячиться петрушкой праздной
на кукловодном волокне
и публике срамное место
казать навроде манифеста

на падуге парит паук
в партер поглядывает веско
он председатель всех наук
сугубый кавалер юнеско
ужо паук поди домой
ты родственник членисторукий мой
а тот в партере супоглазый
широкожопый как сибирь
позвольте оделить угрозой
обиду нанести свербит

в ту пору была мне река велика
у став с монастырским обетом
и сосны над плесом неслись вертика-
льно все они были об этом
в те годы вода мне была не нужна
и женская кожа в просветах нежна

пока расточался любви произвол
планеты паслись хорошея
в людское сословье меня произвел
причудливый жест акушера
в эдемских лесах где нестрелянный лось
и папоротники под гребенку
наследное тело мое родилось
еще не по мерке ребенку
мне егерь отрезал широкий надел
железный жетон на запястье надел

но в пойменный год на излете реки
евфратские лоси в дубравах редки
но молния бьет по живому
заметив его по жетону

под родительский кров возвращаются сны пряником
словно стая коров пересекая впрок рубикон

перелетные сны переметные дни без числа
в календарных как совесть набросках бумага честна

эта крестная высь эта мазь эта легкая ось
вологодская рысь костромская сова переделкинский лось

под родительским кровом коров моровые гробы
наблюденье земли челобитье у каждой травы

черногубая речь червоточина пули в башке
ледовитая лета и все мое детство вообще

под светооборонными очками
глаза повернуты в меня зрачками
серьезный мозг хлопочет как пчела
под стрельчатými сводами чела
поет впотьямах шершавый шкив привода
гриппозный плюш испариной покрыт
и вся необъяснимая природа
с колосников на падугах парит
секундомер в исходном положении
машина сна приведена в движенье

меж тем по эту сторону стекла
несут ко рту безропотную руку
по образцу швейцарского стрелка
вслепую наводящего по фрукту
ушной радар вращается на зов
двойные ноги сдвинуты невинно
внутри однако действия не видно
секундомер не сорван с тормозов

а ночь кругом стремительно свежа
как перехваченный полет стрижа

присуждают иксу кандидатскую степень
запускают в науку неловкой совой
в триумфальном желудке немотствует цепень
ежечасные свадьбы справляя с собой
не расслышать банкетных гостей голоса
паразиту в утробе икса

одолев снеговые ленгоры
не чета заводской вшивоте
кандидату дорога в членкоры
с неизвестным зверьком в животе
он пожизненный химик союза
победитель идейных химер
и такому иксу не обуза
тихой фауны частный пример
можно в водку ему доливать сулему
но легко околеть самому

даже лучшие силы науки
в похоронные свозят места
чтобы род продлевали навеки
безымянные дети глиста
все одно не про них новодевичий рай
хоть и тоже они умирай

предмет наблюденья природа
в любое взгляни озерцо
в извилистой шкурке микроба
особая жизнь налицо
в ином носороге отдельном
всемирная совесть тяжка
как самоубийца в отельном
окне накануне прыжка

я сам на людей удивляюсь
какие у жизни сыны
когда в туалет удаляюсь
неловко присесть у стены
зачем нас рождает утроба
отцовская учит лоза
когда у простого микроба
научных идей за глаза

на пыльных равнинах невады
в урочище адских огней
мы гибели были не рады
и втайне жалели о ней

в тифозном провале небраски
сквозь оспенно-млечный ручей
кончины чрезмерные краски
горчат в катаракте очей

мы тщетное небо просили
ознобом костей не ленить
но не было в сердце россии
которую проще винить

прощайте голубки гулага
гортанный авгур монпелье
богемных мгновений бумага
почетные речи в петле

ландшафт ослепительно солон
у врат радаманта сиречь
где негде провидческим совам
мышей вдохновенья стеречь

невадские в перьях красотки
жуки под тарусской корой
и нет объясненья в рассудке
ни первой судьбе ни второй

беотия иония
евксинская вода
плыви моя ирония
как лодочка вон та
в исландию в эстонию
за ледовитый понт
пока не вшлеп в историю
мустьерский геродонт

от выхина до усова
как мертвая петля
со мною муза брюсова
пылила и пила
не подбирая раненых
с гудронного одра
от ховрина до раменок
текла моя орда

до мраморного гравия
в акрополе дыра
обрыдла география
в историю пора
в изгнании заслуженном
в оставшихся веках
крошиться поздним ужином
у клио на клыках

судьба была сметана
картофельный обрыв
над ней лицо светало
все челюсти открыв
в желудке пело эхо
не тяготясь бедой
что иго это эго
со всей его едой
что прах его иконы
и голос не силен
пока в юдоль икоты
рассудок поселен

на этот сон великий
дурманные луга
будильник всех религий
нацелен из угла
чтоб спящий губы вытер
ногой поправил стул
сложил штаны и свитер
и свет со свечки сдул

когда любовь слетается в орду
сплетая небо из ольховых веток
свет голоса слипается во рту
зазубренном и бой в запястьях редок

взойдут глаза и горлом хлынет ночь
очерчивая отчие кочевья
и ворона над хлябью вскинет ной
с тяжелого линейного ковчега

еще вода над адом высока
тресковый ключ китовый зуб и ворвань
но раковин и мокрого песка
на палубу срыгнет серьезный ворон

в подводном поле пепел и покой
там не горела вера и за это
татарским юртам не было завета
и радуги над ними никакой

отмерена жизнь славянину
в какое стекло ни смотри
пасти по лугам солонину
и в поле полоть сухари
значительно немец хитрее
творец межпланетных плотин
и сведений нет о еврее
который за это платил
под небом прогресса с телком и свиньей
живет человек обоюдной семьей

проснись многозубая масса
от газы до самой читы
строители мысли и мяса
морали прямые чины
апостолы спасской сибери
в ботве соловецких бород
сионские тролли седые
и шиллеры наоборот
борцы за идею уходят с ковра
в лицо эволюции светит корма

нам вечность поставила ногу
в веселые спицы турбин
высокую судную ноту
ночной магнавокс протрубил
напиток истории выпит до дна
безносые предки стучатся в дома

на шоссе убит опоссум
не вернется он с войны
человек лежит обоссан
в сентрал-парке у воды
второпях портвейну выпил
не подарок он семье
и моча его как вымпел
тонко вьется по земле
спят проспекты и соборы
воры движутся с работы
с толстой книгой и огнем
ходит статуя свободы
грустно думает о нем

сны плывут в своей заботе
как воздушные шары
в сентрал-парке на заборе
сохнут ветхие штаны
вянут юноши в пороке
делят девушки барыш
спит опоссум на дороге
засыпай и ты малыш

мой сосед семен никитин
царь пирита и слюды
из америки не виден
словно молния с луны

про алтай и водный слалом
не расскажет мне теперь
потому что в сердце слабом
места не было терпеть

помню жили через номер
говорили про режим
я живой никитин помер
от судьи не убежим

там на кладбище райцентра
золотые вензеля
наша братская плацента
мать твою сыра земля

там средь маковых головок
гнет режима не силен
отдохни теперь геолог
скоро свидимся семен

парафиновый пар у рта
военбред на гребне ура
звон термометра до утра
терпеливые доктора
терапевт зачихнул рожок
сигаретный огонь зажег

гонит ствол кубометры сока
просыпается лист в лесу
обалдевшая в сучьях сойка
краеведческий крот внизу
здесь колхозник пройдет с винтовкой
за белесой лисой-плутовкой
у глазниц в серебре кора
верно выздороветь пора

отлегает военный запах
сигареты ему вредны
продвигается день на запад
загорается свет внутри
зебра ночь от берез в полоску
к водопою она не зла
нежно дышит в лицо подростку
и никак умереть нельзя

когда летишь через атлантику
сродни тунгусской головне
слезоточивому талантику
темно и тошно в голове
кругом беззвездный воздух громок
несут напитки и еду
и скальп тесней чем детский гробик
на осажденном невском льду

так на границе сна и яви
смыкая можно и нельзя
тьнь спрашивает это я ли
в летейском ялике скользя
сошлись голконда и голгофа
в земле загробного житья
и первое лицо глагола
употребить не может я

звонит железная цикада
прошив пространство галуном
как бы из тютчева цитата
грохочет в небе голубом
теперь одно у тени средство
развеять сумерки челу
вернуть земле ее наследство
и не учиться ничему

апостолам истории
на медные гроши
бесспорно и крестовые
походы хороши
когда нарыв прорвался
по древнеримским швам
от гнойных вен прованса
по иорданский шрам

пускай твердят европа ведь
ей свет пролить дано
цветкова эта проповедь
не трогает давно
иной народ поплоче
стократ родней ему
за что и был попрошен
с истфака эмгэу

волнуйся и карабкайся
на тибрские врата
орда моя арабская
китайская братва
гряди иранец дерзкий
по звездам время сверь
к манежу где имперский
хрипит ощерясь зверь

госсекретарь в миру сенатор маски
моей экс-родине не строит глазки
я сам хоть мне и маски не указ
любовью к ней немного поугас

а помнишь днепрогэс реки великой
угодья анилиновой ботвы
воскресники в сраженьях с повиликой
и девочек учебные банты
субсветового миг-а хакакири
фаллические тополя в дыму
где лабухи шопена хоронили
жмуров дворовых жертвуя ему

отпало жизни первое звено
лишь в фэбээр в досье занесено

за все тебе курносая отвечу
пой жизнь мою соловушка с листа
но выраженье походя отмечу
необщее на карточке лица
госсекретарь командует погодой
берет генсек натуру в шенкеля
мать музыка шагает за подводой
в трубе как тромб шопена шевеля

декабрьское хмурится в тучах число
дворы воровато безглазы
дорогу домой до бровей занесло
закладывать тройку без мазы
откупорим сдуру бутылку вина
в печи пошуруем железкой
но с подлинным ночь с оборота верна
хоть зеркало к фене растрескай

такие на ум парадоксы придут
с мадеры в декабрьском бреду нам
что будто и дом наш и этот приют
тургеновым кем-то придуман
что даже в устройстве природы самой
знакомое видим перо мы
и нет под снегами дороги домой
в твердыню полярной плеромы

СОСТОЯНИЕ СНА

Поэма

Однажды Спящий оказался в небольшой выбеленной комнате вроде больничного покоя, откуда ему был виден в окно как бы зеленый луг в низкой и густой траве до самого горизонта. Встав, он прошел по коридору наугад в большую палату, такую же белую и неестественно светлую. Вдоль стен тянулись ряды железных коек, на которых лежали какие-то живые создания. Он с отвращением увидел, что все они были землисто-бурого цвета — на снежных простынях покоились их гибкие длинные члены, не имевшие суставов в ожидаемых местах, зато иногда — в неожиданных. Все это шевелилось с тихим шелестом. Лиц не было, или не было видно, но отдельно в воздухе висело выражение тупого страдания.

У одной из коек стоял некто в белом халате, почти человек, если бы лицо его странным образом не ускользало от лобового взгляда. Этот белый то ли делал лежащему существу укол, то ли еще как-то его мучил. Существо не кричало, не имея рта, но быстро держало худыми извилистыми конечностями. Спящий, у которого эта сцена вызвала дурноту, поторопился покинуть палату. Дверь напротив вывела его на веранду, залитую слепящим полуденным солнцем. Там, по двое и в одиночку, неторопливо ходили люди во фланелевых пижамах и халатах. Изредка среди них пробегали безликие в белом, с блестящими инструментами в руках.

Веранда огибала все здание по периметру. Всюду была яркая и густая, словно только что подстрижен-

ная, трава. Горизонт лежал дальше и выше обычного, видимый как бы со дна огромной котловины. На этом зеленом фоне там и сям рельефно лепились в хрустальном воздухе совершенно одинаковые длинные строения дачного образца, такие же, как и то, в котором сейчас находился Спящий. До ближайшего было, на взгляд, километров десять.

Выйдя на северную оконечность, он обнаружил чугунный забор, высотой в рост человека, бегущий по всей равнине. Прямо напротив приходились запертые кованые ворота с ажурной аркой наверху, составленной из чугунных букв. С другой стороны к забору вплотную подступал город, по-видимому тот самый, в котором Спящий жил в последние годы. Город был необыкновенно тих и малолюден. Буквы стояли лицевой стороной наружу и лишь с усилием складывались в слово. Слово это было "Преисподняя" — необъяснимая высокопарность; разве что из расчета, что из двух букв арки не составить.

По всем сторонам дома в траву сбегали широкие лестницы в алебастровой лепнине. Но здешние обитатели явно предпочитали не покидать веранды. Спящий сошел по ступеням на упругий травяной ковер — проверить, не запрещено ли это. Никто из гуляющих и персонала не обратил на него внимания. Он еще раз обошел все здание, затем поднялся на веранду и присоединился к остальным "пациентам".

В это мгновение из глубины дома донесся удар гонга. Все выстроились в длинную ровную очередь, разговоры затихли. Двое служителей выкатили большой цинковый бак, из которого валил пар и пахло съедобным. Спящий почувствовал такой острый приступ голода, какого никогда прежде не испытывал, и поторопился занять место в шеренге. В то время, как один из служителей ловко орудовал половником, другой пода-

вал подходившим маленькие жестяные миски. Когда подоспел его черед, Спящий, принимая свою порцию, вновь попробовал взглядеться в черты лица служителя. У него опять ничего не вышло — невозможно было даже определить, мужчина это или женщина. В миске оказалась какая-то жижица вроде овсяной каши. Ее было совсем немного, но достаточно, чтобы утолить голодный спазм.

Солнце, между тем, продолжало неподвижно висеть все в том же месте, чуть ниже зенита. Свет его был непереносимо резок и ровен, но без ожидаемого жара. "Пациенты" продолжали свой нескончаемый моцион; некоторые сидели за столами, играя в карты и домино; кое-кто стоял, облокотившись на перила и сосредоточенно глядя в траву. Даже стариков — а их здесь было большинство — не клонило в послеобеденную дремоту. Никто не шел спать — да было, очевидно, и некуда, все внутренние покои были отведены под палаты с коричневыми уродцами и под какие-то таинственные службы, доступ в которые был открыт только персоналу.

Тем временем город за чугунной изгородью постепенно оживился. Похоже было, что на смену долгой ночи там пришло утро, хотя по солнцу судить было нельзя. С наружной стороны к забору стали стекаться люди. Это, судя по всему, были родные и близкие здешних обитателей. Обе стороны тихо переговаривались через решетку, протягивали сквозь нее цветы и маленькие свертки. Многие лица были в слезах. В это время отперли ворота, и один за другим в город отправлялись служители, сменив униформу на обычное платье и оказавшись ничем не примечательными молодыми людьми, мужчинами и женщинами. На смену ушедшим сходились новые. Привозились и разгружались различные припасы в ящиках и мешках. Те, что стояли у за-

бора, даже не пытались подойти к открытым воротам.

Это было все — и все повторялось. Бесперывно светило высокое солнце. Каждые три-четыре часа ударял гонг, выкатывали бак, и желудок замирал от невозможного голода. Каждое утро — если это было утро — к забору сходились городские жители, и начинался тихий разговор. Служители уходили, приходили новые, и нельзя было понять, сколько их и кто они. Со всех сторон простирался изумрудный луг в белых крапинах строений, ровный и безлюдный.

Постепенно Спящий познакомился со многими из тех, с кем он делил теперь свою участь. Они пересказывали ему свои скучные воспоминания о жизни по ту сторону забора. О здешнем разговора не было, так как все было одинаково. Сам он тоже не стеснялся говорить о себе. Но близости с собеседниками не возникало. Все они воспринимали случившееся как бесспорный факт. Спящий же полагал, что в его случае имела место ошибка, и надеялся на перемену.

Одна женщина казалась ему знакомой, но он не понимал или не мог припомнить смысла этого знакомства. Женщина чаще сидела одна, редко с кем заговаривала и была, как видно, подавлена происходящим. Спящий вскоре довольно коротко с ней сошелся, и они принялись обдумывать планы совместного избавления.

Однажды в размеренном распорядке случился перерыв. Ночная смена служителей разошлась, а утренняя медлила появиться. Между тем ворота стояли открытые. Люди, шептавшиеся у забора со своими безутешными родственниками, невольно начали коситься на открывшийся путь к побегу. Мало-помалу некоторые собрались с духом и прокрались на волю. Это необъяснимо испугало родственников, и они тотчас рассеялись в переулках. Постепенно самые нерешительные

из узников тоже ушли в город.

Спящий, со времени первой разведки ни разу не покидавший здания, остался на веранде и глядел сквозь забор на опустевшие тротуары города. В дальнем углу сидела его знакомая; на столе перед ней порыв ветра перепутывал пасьянс. Кроме них двоих в здании, очевидно, никого не было — только гуттаперчевые жители палат, издававшие в наступившей тишине какое-то жуткое воркование.

Прошло с полчаса, и беглецы стали возвращаться. Они появлялись по одному, глядя в землю и пощелкивая фалангами пальцев в пижамных карманах. Спящий посовестился расспросить их о случившемся. Следом явились служители опоздавшей смены, заперли ворота и, как ни в чем ни бывало, принялись раздавать пищу. Знакомая Спящего со значением взглянула ему в глаза, когда они случайно сошлись в южном пролете веранды.

На следующий день они вместе ушли в противоположную городу сторону, вдаль по луговой зелени, в направлении ближайшего белого дома-близнеца. Их, по обыкновению, никто не остановил, никто не обратил на них внимания. Всего по расчету им предстояло часа два пути.

Но проверить время было негде. Они шли уже довольно долго, скользя голыми ступнями по прохладной траве. Солнце не двигалось с места, и так же, казалось, не двигалась с места цель их путешествия, тогда как начальный пункт его послушно удалялся. Луг становился зеленей и шире, небо — голубее и глубже. Далекий город растягивался в ровную зубчатую змею.

Но когда неодолимая дистанция начала понемногу сокращаться, а здание впереди заметно выросло, исчезающая даль донесла до путников тяжелое биение гонга. Они едва обменялись беглым взглядом и повер-

нули назад, постепенно ускоряя шаги и переходя в судорожный и сосредоточенный бег.

Не пробежав немного до веранды, Спящий остановился перевести дух и подождать свою заметно отставшую спутницу. В это время служитель, все еще разливавший похлебку, поднял голову и взглянул на возвращающихся. У него было доброе и розовое лицо в бисеринках пота. Он улыбался.

ПИСЬМА НА ВОЛЮ (1970-1977)

С перрона сгребают взлохмаченный лед
Настырней мышьиной возни.
Под вымерзшим куполом твой самолет
Зажег бортовые огни.

Гляжу, меж тоской, изначально-простой,
И робостью странно двоим,
Как ты, не прощаясь, зеленой звездой
Восходишь над миром моим.

Над темной планетой в артериях рек
Смятенье колеблет весы.
В диспетчерской рубке пульсирует век,
Разъятый на дни и часы.

В прокуренном зале мелькает табло.
Из гула растет тишина.
Оконный проем рассекает крыло
На два непохожих окна.

И надо стереть лихорадочный пот
И жизнь расписать навсегда,
Как если б вовеки на мой небосвод
Твоя не восходила звезда.

Бредит небо над голым полем,
И дорога белым-бела.
С обезглавленных колоколен
Облетают колокола.

Опадают, раскинув руки,
И по ниточкам снежных трасс
Одиноко блуждают звуки,
Забинтованные до глаз.

Тихой стужей и летом сонным
Под ногами дрожит, пыля,
До краев колокольным звоном
Переполненная земля.

Замутились живностью моря,
Водолазов теменью моря.
Запестрело небо журавлями.
И сижу, беглец издалека,
Утирая колбасой салами
Желтые слезинки коньяка.

И молчу, усатый истукан.
Первача бы теплого стакан,
Огурца б с измятыми боками!
Тишина обманчиво резка:
Чайки шелестят под облаками,
В темных водах плещется треска.

У эстрады серая скала.
Зеркала, пустые зеркала,
На панелях свечи и чеканка —
Не смотрю, не поднимаю век.
Все равно, Марсель или Чикаго,
Просто посторонний человек.

Над шампанским воздух серебрист.
Мальчик, полуночный гитарист,
Песенку мусолит у рояля,
Залу нагоняет аппетит.
Год за годом снежными роями
В стекла воспаленные летит.

Так и ты с годами полетишь,
Все равно, узбек или латыш,
Все равно, ученый или неуч.

В ресторане, в дальней стороне
Мучит нас томительная немочь
В кожистых надкрыльях на спине.

Что проку время понукать?
Вселенная кругла.
Хоть восемь ног у паука —
Ни одного крыла.
Уходят птицы напрямиком
На звездные пути,
А ты родился пауком,
И знай себе плети.

Но птица — тварь невелика,
Не высмотришь со дна.
Хоть восемь ног у паука,
Но голова одна.
Живи на дюжину монет,
Сомнений не тая,
А есть там небо или нет —
Забота не твоя.

На все горазд один Творец.
Мы поняли давно,
Что нам монету на торец
Поставить не дано.
Вверху созвездия горят,
Планетные дома,
Но это дело, говорят,
Не нашего ума.

Орел, воздушный богатырь,
Помедли, оглянись!
Нас восемь ног, как восемь гирь,
Упрямо тянут вниз.

Нам твердый грунт необходим,
Незаменима грязь.
Но все равно мы вверх глядим
Во все шестнадцать глаз.

Да, это я. Таким себе кажусь.
Моих досугов мелкие затеи.
Немного в пересмешники гожусь
И в нытики, коль скоро не в злодеи.
Но все же подозрителен порой
К предвзятости, к напыщенному визгу.
Все временно. Надежда – мой пароль.
Да, это я. Таким себя и вижу.
Потомок совестливой старины,
Одетый в боль, как в чешую сазанью,
Ищу какой-то третьей стороны
У плоскости, дарованной сознанию.
Рассейся, сердце, ничего не значь –
Я и тогда с сомнением не слажу.
Пускай я слеп. Но, значит, кто-то зряч,
И он стяжает истинную славу.
Любую мелочь вымери и взвесь,
Служи зениту, солнечному полдню.
Свою любовь ты оставляешь здесь.
Да, это я. Таким себя и помню.

БАЛЛАДА О ЛЕЖАЩЕМ НА ДОРОГЕ

Когда прояснилось, что путь в тишину недалек,
Когда в кабаках пустотой захлебнулись кларнеты,
Мне стукнуло двадцать четыре. Я вышел и лег
Под гулкое небо, на тесное тело планеты.
Измокший асфальт деловито ласкался к щеке.
Стреноженный ветер повизгивал влажно и южно.
"К чертям," я подумал, "довольно об этом щенке!
Частушкам о времени – времени больше не нужно."

У полюса ночи, лицо рукавами тая,
Больным эмбрионом впотьмах нарывая плаценту,
Лежал одинокий. И кажется, был это я,
Гораздо понятней и ближе к надежному центру.
В базальтовый мир возвращалось земное тепло.
Набухшее сердце прощально и тягостно било.
И красное нечто еще временами текло
По хрупким сосудам. И кровью, наверное, было.

Смеркалось в нейронах, пока эта жидкость ползла
К финальной черте, как вишневый клинок из горнила.
Я лег на дорогу, притихший, совсем не со зла –
Ночною улыбкой меня тишина поманила.
Серебряный смех рассыпался в погасшем окне.
Двуполое племя готовилось к сладкому бою.
И кто-то неясный на бледном летел скакуне.
И кто-то последний во мне расставался с собою.

Когда чернота расцвела на ресницах портьер,
Когда небосвод задохнулся от пепла и газа,
Я вышел во двор, в средокрестье надежд и потерь,
Я лег на дорогу сплошным воплощением отказа.

Удильщица ночь второпях пожирала улов,
Мертвящей порошей луна осыпала аллею,
И что-то блуждало в созвездиях лимфоузлов,
Что жизнью казалось, но, в сущности, не было ею.

Коробилась память набором газетных статей.
В изябших кистях возникала дремотная вялость.
Но что-то в мозгу оставалось от прежних затей
И строилось в ряд, и само по себе рифмовалось.
Уже уходило, уже трепетало едва,
Уже кровоток пробирался последнею веной.
"Вот так," я подумал, "лежать мне не год и не два,
Есть место в душе, недоступное боли мгновенной."

И тайная мысль одиноко блеснула во мне,
И горькую воду в лицо мне плеснула горстями:
Ведь даже и прежде, ведь даже и стоя вполне,
Я тоже лежал, прирастая к асфальту костями.
Забудешь надежду, судьбы ослепительный шиш,
Забудешь любовь и мечту об уходе бескровном —
Есть только дорога. Есть путь, на котором лежишь,
Но даже и лежа — проходишь. Микрон за микроном.

СОЛНЕЧНАЯ БАЛЛАДА

Таял день. Затешились лампы.
Осторожной жимолость росла.
На конвертах просыхали штампы
С указанием места и числа.
В кинозалах пробуждался зритель,
Истекало время новостей,
И красивый местный вытрезвитель
Принимал ликующих гостей.

Кошки, ниспровергнутые в дикость.
Небосвод в просветах мошкары.
На платанах чинно громоздились
Тусклые фонарные шары.
Шла пора зализыванья ссадин
На трамвае, птице и скоте.
Шорохи, умаянные за день,
Плавились в гудронной пустоте.

Подмывало к новому, иному,
К пересеву пажитей и гряд.
Память по ньютонову биному
Замыслы раскладывала в ряд,
Серебром крошилась на воде и
Цинково по корпусу ведра
Одевала прежние идеи
В новые плащи и кивера.

Провисая на стальном каркасе,
Изживал дневную суету
Этот город в сонной ипостаси,
Этот мир в бессолнечном свету.

Реял сон в портъере и в котенке,
Как цыганка в шелесте монист.
И с восторгом паялился в потемки
Бесталанный лирик-урбанист.

Дворники крались, как привиденья,
Лязгая несмазанной скобой.
Тайное желанье пробужденья
Не имело почвы под собой.
Но в траве, заговоренной на ночь,
Чудилось, куда ни погляди,
Солнце, опрокинутое навзничь,
С тонкими руками на груди.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ БАЛЛАДА

Аленушка, строгая Спарта!
В шершавых проталинах марта
Стеной обложного огня,
Была ты рискованней старта,
Дыханья важней для меня.
Карабкалось море по сваям,
И воздух скрипел, как слюда,
Разодранный пушечным лаем,
Когда за твоим Менелаем
Неслись, обезумев, суда.

Аленушка, давнее что-то,
Надежды размытое фото!
Припомни зарю четверга:
Триеры данайского флота,
Секир золотые рога.
Любви непомерная такса,
Рассвет, Гарпагона скупей.
Прихожая тихого загса
И два неразлучных Аякса
В скрипучей узде портупей.

Заливом плыла баркарола.
Свинцовые капли нигрола
Ложились на танковый след.
И лезвием кожу порола
Весна, оголяя скелет.
Приказы неслись по отрядам,
В воротах толклись кумовья.
Олимп любовался парадом.

И ты, дозвеневшая, рядом
Стояла, совсем не моя.

Под утро настырней и суше
Над берегом били "катюши".
Немела на древке рука.
Сползал на холодные уши
Фригийский колпак дурака.
Тряслись Палестина и Делос,
Колхида пылала в снегу.
Но Гектор ошибся, надеясь.
И проклял я прежнюю дерзость,
И понял, что вряд ли смогу.

Темнели знакомые лица.
Надежда звала расплатиться
Кассиршей у спуска в метро.
Аленушка, райская птица,
Из туч обронила перо.
Горело двуспальное ложе,
Разгон продлевая дневной.
Вся Троя горела – так что же!
Ты стоила много дороже
Того, что уплачено мной.

По насыпям гуляет лето,
Пороша с тополя летит.
У станционного буфета
Колдует праздный аппетит.
Руки движение скупое,
Свистка незримая узда
Уже сгоняют с водопоя
Заспавшиеся поезда.
Провинциальная дремота,
Души невысказанный зов.
Вагоны дернуло, и кто-то
Поник под тяжестью узлов.
А ты сидишь, не беспокоясь,
И понимаешь наперед,
Что все равно попутный поезд
Отставших к ночи подберет.
Блуждает лето по дорогам,
И над тобой, не торопясь,
За норовистым Козерогом
Бредет усталый Волопас.
Товарняки пронесит мимо,
У тополей печальный вид,
И светлый зной незаменимо
Над тихой станцией царит.

Опять в фаворе транспорт водный,
Готовы склянки для битья.
Весенний лес полуголодный
Пронзает пленку забытья.

Меж берегов расправлен снова
Сирены судорожный вой.
Так недосказанное слово
В щели блуждает горловой.

Парок струится ядовитый,
И судно резвое бежит
Туда, где сонный Ледовитый
В хрустящей корочке лежит.

И сладко жизни продвигаться
По свету из конца в конец
Судами ранних навигаций
В синхронной музыке сердец.

Несло осенними пожарами.
Дымилось солнце над дорогой.
И тучи гончими поджарыми
Срывались с привязи нестрогой.
Листва с берез летела стаями,
Как вальдшнепы к поре отстрела,
И утро в щелку между ставнями
Так испытующе смотрело.
Все было в спешке, было некогда,
И рассветало, и смеркалось,
И сетка дождевого невода
Над пыльным городом смыкалась.
Я перегонами проворными
Пересекал шестую зону.
А ты стояла за платформами,
В глухом пальто не по сезону.
Дома коробило рогожами,
Кружились ветры оперенно.
И равнодушными прохожими
Слонялись липы у перрона.
И потрясал ненужной выдержкой
В холодной жиже законной
Твой дальний взгляд, такой невидящий,
Такой немислимо знакомый.
Дрожал асфальт, блестящий лаково.
Гремела иноходь людская.
И ты, испуганная, плакала,
Меня навеки отпуская.

По венам протекает зной,
Трепещут веки, догорая.
И соблазняют крутизной
Стволы непознанного рая.
Жары невыбитая дурь,
Гигантов сумрачная поросль,
Где, отрешенные от бурь,
Мы вечерами бродим порознь,
Смолистой горечью дыша,
Дымясь в лесном раскосом свете.
С чего ты мечешься, душа,
Как будто загнанная в сети?
Ажурный клен, прозрачный граб,
И взгляд на зелени помешан.
Мы были б счастливы, когда б
Имели памяти поменьше.
Нам ивы ливнями грозят,
Взлетает молния литая,
И мы идем — вперед-назад —
Осколки памяти глотая.

Нам нет сочувствия в пейзаже,
По жизни пролегает ров.
Стальному лезвию нельзя же
Искать сочувствия у дров.

Едва полдневная дремота
Настигнет в рощице, и вот
Нам снятся доски для ремонта
И магистрали сточных вод.

Ползут составы невезений,
В мозгу повизгивает ось.
А в детских снах — вода и зелень.
И как-то радостней спалось.

Я научился понимать
Печаль природы безъязыкой,
Ботинок с рубчатой резиной
Над муравьем приподнимать.

Я вызнал трав сезонный рост,
Повадки знаков зодиака,
И легкий ветер-забияка
Предстал мне азбучен и прост.

Я без ошибки узнаю
Все, что мало и насекомо.
Наружный мир как аксиома
Проник во внутренность мою.

Но в ней понятия не те,
И трезвый ум, зубовный враг мой,
Как светлый нож под диафрагмой
В кровотокающей немоте.

И мы не скоро подберем,
Скользя по формулам полого,
Полсотни слов для диалога
Меж алгеброй и сентябрем.

Здравствуй, ветер, сентябрьский повеса,
Истребитель незрелых идей.
Это мох ураганного леса,
Где пилой ворожит Фарадей.
Светлый день ощутимо недолог,
Но не гаснет в строке назывной
Этой ночи отчетливый полог,
Этот ветер, степной антрополог,
Учредитель погоды земной.

Как вода в горловине пролива,
Серебрится текущий азот.
Это жизнь в сентябре тороплива,
Словно под гору санки везет.
Это ветер срывает иконы
В пятистенке забытой любви.
У природы иные законы:
Здравствуй облако, будем знакомы,
Только имя свое назови!

Нелегко над осеннею бездной,
Где с маршрута сшибает тела,
Ощутить себя вещью полезной,
Средоточьем души и тепла.
То ли воздуха больше на свете,
То ли камня исчерпан резерв.
На заре занимается ветер,
И оборванный провод в кювете –
Словно в сердце оборванный нерв.

На пригород падает ласковый сон,
Желаний прозрачная завязь.
Латунные листья звенят в унисон,
Луны напряженно касаясь.
По горло окутал дощатый барак
Стекающий с крыши муаровый мрак.

Задвинута память на прочный засов,
Спокойные мысли короче.
Все реже и реже огни голосов
Мигают в безмолвии ночи.
И кажется, ветер неслышно зовет:
Останься на месте, усни без забот!

Запутались звезды в седом волокне,
И некуда дню торопиться.
Чего же ты ищешь в погасшем окне,
Ночная ворчливая птица?
Зачем ты с разлета ныряешь в стекло
И крыльями бьешь тяжело, тяжело?

Покой у порога, невидимый гость
Заезжим зовет одноверцем.
Но дух несогласия, яростный гвоздь
Таишь ты под зябнущим сердцем.
И светится в лужах ночная вода.
А сердце стучит: никогда, никогда!

ЦИРК

Контрамарка в антракте, и в огненном перце
Темнобурое небо над пеной пивной.
И опять, на невидимых нитях трапещий,
В нарочитой улыбке, к партнеру спиной.
Вот истошным туманом нейроны окутал
Медногорлый оркестр, и с размаху – назад,
В поединке иллюзий, раскрашенных кукол,
С деревянных сидений глядящих под купол
И других, что под куполом чутко скользят.

Тишина, как ребенок, наморщила лобик,
Небывалой жар-птицей расправила хвост.
Мы – одно естество, лицедей и поклонник,
Многорукое тело под куполом звезд.
Вот напрягся один в помешательстве жабьем,
Вот ужимкой ужа изогнулся другой –
Так глядим друг на друга с немим обожаньем,
Кто скамью истирая в убожестве жалком,
Кто, как бог, высоту рассекая дугой.

Здесь годами бок о бок кружат безрассудно
Наши тайные страсти до спазма в кистях.
Мы уйдем до финала – одни от инсульта,
А другие – в опилках ломая костяк.
Мы поднимемся вновь, от Москвы до Ямайки,
Говорливой рекою затопим шатер.
Мы поднимемся вновь, ядовитые маки,
В раскаленных ладонях зажав контрамарки,
Как одно естество – человек и актер.

ЦАРЕВИЧ

Тощий призрак лицом из мела,
Мертвый ужас под потолком.
Государственная измена,
Обвинительный протокол.

Пляшут нервы: полундра, дескать;
В утомленных речах разлад.
Из угла венценосный деспот,
Как базуку, наводит взгляд.

Не упорствуй в аффекте кротком,
Не томи, как осенний дождь.
Скоро, скоро под подбородком
Тела прежнего не найдешь.

Только призрак прозрачной воска,
Только пленка над пустотой –
Мой прообраз, безумный тезка,
Изолгавшийся и святой.

Государь нашумел для шика,
Царство ситечком процедив.
Он провидец, а ты – ошибка,
Возмутительный рецидив.

Скоро, вышколены и юрки,
Повылазят в людской содом
Корсиканцы, рубаки, урки,
Не представшие перед судом.

И над миром свинцовой льдиной
Прогремит в облаках, трубя,
Католический триединый,
Отступившийся от тебя.

Воют ветры в солдатских ранцах —
То-то маршалов напекли!
А наследники в оборванцах
Ошиваются до петли.

За стеной до озноба сыро,
И как прежде недалеко
Синекура царского сына
От вакансии дурака.

У лавки табачной и винной
В прозрачном осеннем саду
Ребенок стоит неповинный,
Улыбку держа на виду.
Скажи мне, товарищ ребенок,
Игрушка природных страстей,
Зачем среди тонких рябинок
Стоишь ты с улыбкой своей?
Умен ты, видать, не по росту,
Но все ж, ничего не тая,
Ответь, симпатичный подросток,
Что значит улыбка твоя?
И тихо дитя отвечает:
С признаньем своим не спеши.
Улыбка моя означает
Неразвитость детской души.
Я вырасту жертвой бессонниц,
С прозрачной ледышкой внутри.
Ступай же домой, незнакомец,
И слезы свои оботри.

Но вот сгустилось. Долго ожидали, и — наконец. Оставив транспорт за бугром (Троянский Конь, потрепанный "фольксваген", ступа с облысевшим помелом), сложив пожитки (пара зубочисток, ремень для правки лезвий), мы стали в судорожный круг. Оно стояло в центре и пряталось незримо за спиной. Мы терпеливо ждали, позволяя Ему размер и форму обрести. Невидимое, судьбы преломляя, Оно искало выхода наружу, пыталось быть собой.

Но некогда, и вновь стартер зафыркал, запрыгали изношенные поршни, и ступа с воем вознеслась. Остался луг в обугленных ромашках, и воткнутая в землю зубочистка сосала изможденный перегной, расправив крону.

Существование обретает смысл под взглядами участливого ока, развиваться в одиночку не дано. Распутались тенета первопричин, концы первоначал. Левиафаны бороздят творенье, скрипит в каюте вечный эхолот.

Мы — сговора таинственного плод.

Стрельба без промаха, охота не в сезон.

Я поднимаю бережную руку, ищу разрыва в тучах, и рушится небесное стекло. Инспектором всерасно угрожаем, благословляю зной и тишину. Планета набухает урожаем. Считаю гильзы. Угрызений нет.

В той инкарнации я был слоном. Со мной бок о бок по джунглям проходил Благословенный, стократной участи смотрели мы бестрепетно в лицо. Промчались поколенья и миры. В отглаженном мундире бодисатвы я возник на берегу Ишима, наизготовку вороненый ствол. В тугие небеса летят снопы неотразимой дроби, из тростников прокрадывается шуршащий, малорослый, крошечной ночи робкий аванпост. Ломаю спички. Угрызений нет.

Подходят двое с удостоверением, плюют в лицо. Оценивают стоимость ущерба, обломком "живописи" составляют акт. Под куполом лихие мастера пробоины заделывают паклей, нитроэмалью брызжет краскопульт.

Но как же быть с невосполнимой ночью, чем средду отделить от четверга?

Сознание прервано. Моля о промедленье, ты переходишь в сопредельный ад.

Выходит, сущность мира — пустота! И человек, и тополь, и скала другого имени не заслужили. Земная твердь, голубизна небес и мириады колючих звезд — холсты аляповатых декораций, небытия безумная игра.

Молчанье на границе смеха, реплика из зала: по-вашему, товарищ лектор, выходит все едино, что сытый, что голодный — в желудке у обоих пустота. И если ничего в природе нет, как отличить подметку от котлет?

Оплеванный выходит Нагарджуна, прорехи на брезентовом плаще. На дворе уже привычно скатывают землю в тугой рулон от запада к востоку, снимают солнце длинными баграми. Старенький компрессор, дрожа, сосет космическую пыль.

Последней из дорог уходят в даль небритые в спецовках, с запасом нужного инвентаря. Из факельного света рвется надпись: "Отсрочить наступленье пустоты!"

Третий день человек растерян,
И прогноз деловито прост:
Ожидается бунт растений,
Древесины попятный рост.
Он рассеялся в пыль как будто,
По окрестным полям кружа.
Он живет в ожиданье бунта,
Недорода и падежа.

Больше злаки не выйдут в колос,
Будет дуб толщиной в волос,
Эвкалипты – травой лечебной,
Не крупнее луковых стрел.

Но тревога была учебной,
И ячмень аккуратнo зрел.
Человек воскрешен из праха,
Сеет новые семена.
Но живет в ожиданье страха,
И дает ему имена.

Горящий контакт разомкнулся в груди,
И я не расслышал твое "уходи".
Минутный Тангейзер, салонный ломака,
Летучих страстей заводной инструмент.
Но луч рикошетный в периметре мрака
И древних обоев сквозной позумент
Впечатали в кровь терпеливые ласки:
Так держит олифа столетние краски,
И камни руин – отвердевший цемент.

Предутренный свет рассекает слюда
Неловко, на два отдаленных подобья.
Мое "до свиданья" – твое "навсегда".
В твоей наготе не оставил следа
Мой жадный, мой бережный взгляд исподлобья.

Я знаю: тогда, в ленинградском дворе
Сработал закон хромосомного кода.
Мы только фигуры в великой игре.
Нас день уберег от неверного хода.
Но крепок раствор, и доньне во мне
Расколотый камень в цементной броне.

Сотрутся детали рисунка
Побегами рек в январе.
Но сердце, как щенная сука,
Вернется к родной конуре.
Обрушатся кровли в Содоме,
Праща просвистит у щеки,
Но будут возиться в соломе
Любви золотые щенки.
И выпрямив стебли тугие,
Из смертного крика толпы
Взойдут тростники ностальгии,
Ее соляные столпы.

Отечество, миф о Дедале,
Архангелов тонкий помет!
Но если сотрутся детали –
Кто целому цену поймет?
Навеки без вящего смысла,
Как мухи у липкого рта,
Названий халдейские числа:
Сучан, Колыма, Воркута.
Иштар на вершине пилона
Лицом затмевает луну.
Голодных детей Вавилона
Томят в иудейском плену.

Сотрется росистая балка,
Где плоть привыкала к труду.
Сотрется российская бабка
С клубникой в базарном ряду.
Забудутся клятвы и ссоры,

Измятый трамвайный билет.
Пройдут эшелонами соли
Тела обезглавленных лет.
Но пульс не собьется с пунктира,
Покуда стоит Вавилон,
Покуда на стогнах Путивля
Иштар раздирает нейлон.

Стеклянный воздух, месяц медный,
Осина горькая узлом –
Мой край коричневый и бедный,
Парящей осени излом.
Мне нет забвения давно в ней,
Ни тихой радости сыновней –
Авессалом, Авессалом!

Пока домашние в изъяне
Искали веры наповал,
Я в тихом дворике с друзьями
Вино разлуки допивал.
Их разговор был скуп и горек
От наболевшего ума.
И сторожили тихий дворик
Замоскворецкие дома.
Они дышали нам в затылки,
И воздух в каменной бутылке
Дрожал, как злая сулема.

Деревья темные редели,
Мешался камень со стеклом.
Как одиноко мы сидели
За нашим нищенским столом!
Но лайнер в воздухе красивом
Гудел над каменным массивом:
Авессалом, Авессалом!

Под заботливой кожей сгущалась продольная хорда.
В календарном цеху штамповали второе число.
"Эта жизнь о любви!" — объявили у темного входа,
И прозревшее тело в меня ежедневно росло.

Непочатая кровь бушевала в младенце капризном,
И когда акушер деловитое слово сказал,
Я приветствовал день неказистым своим организмом,
Как чугуевский житель приветствует Курский вокзал.

Из военных руин поднималась земля трудовая,
От Невы до Балкан часовой проходил по стене.
Что я смыслил тогда, первородство свое отдавая
За пророческий голос в навеки оглохшей стране!

Я ходил в города провозвестником рая лесного —
Как мутило меня в ритуале дворцовых манер,
Как я мстил за себя, как хлестал ненавистное слово —
Аж до крови живой — по утрам выгоняя в манеж.

Этот мир колесо, только с ободом руки связали.
Эта жизнь о любви, как в забитом колодце звезда.
Для кого я живу, для кого я кричу на вокзале,
Где на сотнях платформ, обезумев, режут поезда?

Мне снился сон. Я шел ковыльным полем,
Болтая с незнакомыми людьми.
И оглянувшись, я внезапно понял,
Что уйду из возраста любви.
Вокруг белели старческие лица,
Но я никак не мог остановиться.
Меня вперед нелегкая несла,
Как лодку без единого весла.

Я удалялся за пределы чуда,
Окованный серебрянной луной.
Я говорил: "Смотрите, я оттуда!",
Но спутники смеялись надо мной.
Я шел за ними, как покорный кролик,
Мой тихий плач их доводил до колик.
Холодный свет дорогу линовал,
Когда мой лучший возраст миновал.

Холодный свет. Неторопливый говор.
Жестокий бог нам лица рисовал.
Мне вспоминался невесомый город,
Где я любить когда-то рисковал.
Мне снился сон. Я шел ковыльным адом,
Стояла ночь. И ты лежала рядом,
Спокойное дыхание храня.
Мне было страшно. Разбуди меня!

Понимаешь, дело не в режиме.
Родина – пустая болтовня.
Дело в том, что боги меж чужими
Вырасти сподобили меня.
Оттого я черен и завистлив,
Что меня за дружеским столом,
Как омелу меж дубовых листьев,
Обносили корнем и стволом.

С колыбели в скоморошьих списках,
Подгоняю рожи к парикам.
Боязно от ласковых и близких
Получать за дело по рукам.
Засыпаю, не сходя с помоста,
Где народ стекается с утра
Поглазеть на горестного монстра,
Пьяного гуляку гусяра.

Оттого тайком и неумело,
Напрягая горло и висок,
Тридцать лет, как бледная омела,
Я тяну тугой дубовый сок.
Но когда последним ревом трубным
Кликнет ангел зябнущую плоть,
Я приду со скоморошьим бубном:
Вот он, я! Суди меня, Господь!

Напрягая подпругу
На желудке тугом,
Ходит солнце по кругу
Заводным утюгом.

Поперек полукружий
Золотая вода,
Даже тальник досужий
Не наносит вреда.

Что мне по свету бегать,
Как в загоне овца?
Тишины бы отведать
На рыбалке отца.

Кровениться осокой,
Коченеть в камыше,
Только жизни высокой
Не кроить по душе.

Окуни меня в сопли,
Краеведческий зуд,
Чтобы в выдохе сохли
Перегар и мазут.

Без наивности ложной —
Не аттический грек —
Только б солнышко ложкой
Из беременных рек.

Нас поднял зов свирели медной,
Внезапной дудочки игра.
И прежней жизни колыбельной
Навеки прервана пора.
Простая дудочка сорочья
Горела в утренней золе,
Чтоб сердце совестное в клочья
Нам разрывало на заре.

Нам речь отцов предстала плоской —
Под пулей слова не скажи.
Мы в гулкой башне вавилонской
Сменить решили этажи.
Мы выходили детским строем
На безымянную черту,
Ведомы Божьим крысобоєм
С сорочьей дудочкой во рту.

Клаксонем дудочка скрипела,
Роня сумеречный свет.
И мы шагали постепенно
Подошвой в предыдущий след.
Мы затмевали боль и радость
Дорожной пылью голубой,
И вовсе думать не старались,
Посильной заняты ходьбой.

От рубежей отцовской ночи
Мы, как безмозглые телки,
В пути надсаживая ноги,
За медной дудочкой текли,

Еще младенцы каждым телом,
В какие брюки не ряди,
За шереметьевским пределом,
Без нотной грамоты в груди.

В земле чужой и непохожей,
Над прахом цезарей и дождей
Хвалиться дедовской казней,
Но тихо бедствуя под кожей
В упрек заботе показной.

Твоя расхожая монета
Идет в уплату без привета,
Менялам чудится подлог.
Домой вращается планета,
Выскальзывая из-под ног.

С подобной жаждой мудрено
Беречь в нетронутом флаконе
Надежды крепкое вино
На все, что прожито в картоне
И сбывся фресками должно.

Зачем на плацу не считали свинца,
Всем деревом мозга покорны внушенью:
Еще поживем, напрягая сердца,
Но прежде управимся с этой мишенью.
В осеннем костре каменела зола,
Оплавленной глоткой побудка звала,
И шквалом команды швыряло на щебень,
Где кротко светило в нарезку ствола
Щербатое солнце свинцовых ущелий,
Ожоги затвора и воздух в пыли,
Чтоб мертвые птицы упасть не могли.

Сухие ручки ударились в бега,
Но лес по периметру медью одело,
И мертвые птицы кричали: "Беда!",
К земле устремляя горящее тело,
А там, выступая подкожной скалой,
Земля отдирала запекшийся слой,
Сквозь сернистый чад кровенела основа.
Но люди в приклады вращали скулой,
В надежде сказать жизнетворное слово,
Чтоб, корень греха истребив без следа,
Хорошую жизнь учредить навсегда,
Спокойную песню, просторное небо,
Глубокую пашню для честного хлеба,
И в плуг переплавив винтовку и меч,
Свинцовую булку потомку испечь.

Когда мой краткий век накроют волны, пенясь,
Я вспомню летний сквер и молодость втроем,
Шмелиный звон зари, где так свободно пелось,
И горечь оттого, что больше не поем.

Составом горьких вод мы торопили горло
От южных площадей до вузовских кают.
Но в ходиках души цепочку перетерло —
И больше нечем петь. Сломалось, чем поют.

Когда в глухой фургон, уже понятный чем-то,
Снесет меня судьба на закорках с одра,
Я вспомню звездный бар на пьяде Чинквеченто,
Где пела наша смерть, вокзальная сестра.

Прости меня, сестра, вагонная разлука,
За то, что мимо струн секла сухая плеть,
Что твой двузубый рот не пощадил ни звука —
Но только смерть моя такое смеет петь.

Ей выложил жетон какой-то житель строгий,
Безглазый прототип с ребенком и женой.
А я глотал вино, припоминая строки,
Допетые втроем, когда я был живой.

Я думал, что теперь, вернувшись Божьей глиной
От жизненных трудов на испоконный круг,
Нельзя мне будет лечь под той травой шмелиной,
Где пели мы втроем, не покладая рук.

Манассия, Иуда, Симеон,
Небесный дым над острием зенита.
У человека тысяча имен,
А облако неназванным забыто.
Что облако – неразличимый газ,
Сторожевая ниточка паучья,
Но имени для рук его и глаз
Не помнят кровеносные созвучья.
Нам не любить загробный мир воды.
В закатный срок, в страду его павлинью,
Как тощие чумацкие волы,
Мы тени морд возносим над полынью.
Мы вышли в мир из пропасти морской,
Колонной рыб, хвостами землю роя.
Мы склепаны в синайской мастерской
По калькам земноводного героя.
Земных чудес любовью не объять,
Блуждая безысходными кругами,
Где звезды в небесах по рукоять
И вздыбившийся камень под ногами.

Судьба мне сулила тресковый кисель,
Парок запотевших параш,
Пока надо мной вхолостую висел
Беды заскорузлый палаш.

Но петля на глотке дала слабину,
Ослабился спасский рубин,
И я сэкономил свою седину
Под крик самолетных турбин.

К самой Персефоне я вхож на пиры,
Глушить виноградный удой.
Но с неводом гнева до звездной поры
Торчу над летеиской водой.

В трибунале топор не пылится,
Набавляют паек палачам.
Продолжается жизнь-небылица,
Лежаками скрипит по ночам.

Мы плодимся, как в пойме еноты,
Разбухают архивы в бюро,
Но в архивах иные длинноты
Анонимное правит перо.

Послушанье имея воловье,
Покидаем свое поголовье
И ползем под топор, как жуки,
Молодым уступить лежаки.

Хороша ты, уставная поза,
Тяжела голова на боку.
А в доносе особая польза:
Перед вышкой свернуть табаку.

Пронзало холодом до крика
В арбатской каменной дыре,
Когда на южный берег Крыма
Мы выбирались в ноябре.
Насилу ожили в Джанкое,
В Алуште кушали жаркое
И ночевали до зари.
Я жил без памяти ненужной,
Любовью долгой и недужной
Еще не взорван изнутри.

Как будто выдвинув антенну,
Я шел с друзьями по Артеку,
Где свет разрознен и широк
И елки строим под шнурок.
В заботах детства пионеры
Сочли за лучшее поспать,
И белок чуткие манеры
Казались осени подстать.
Вдали от гомона мирского
Пешком до самого Мисхора
Мы шли дорогой редких встреч,
Москвой далекой пренебречь.
Мои насущные заботы,
Как отдаленные заводы,
Коптили нехотя внизу.
В подошвах стачивались гвозди,
И звезд нетронутые грозди
Сгибали млечную лозу.

Казались нам невероятны
В каноне каменных пород
Запутанные варианты
Столичной жизни наперед.
Там бережная и чужая
Живет, на юг не выезжая,
Февральской стужи холодней.
Стоишь у стенки без движенья,
И в сердце датчик напряженья
Зашкаливает перед ней.

В похвальбу, из пустого геройства
Нелюдские предпринял труды
Архитектор земного устройства,
Пиротехник песка и воды.

Как подумаешь, сколько добра там
Перетрачено желтым цветком —
Не возьмешь перекоса домкратом,
Надо сваи менять целиком.

Надо сделать прямее и чище,
Дорожа наступающим днем,
Невысокое наше жилище,
Чтобы ветру понравилось в нем.

Ровесницы выходят за болгар,
А я беды из памяти не строю.
Мне совестно, и этим я богат.
Ночная кровь, не пролитая сроду,
Для расставаний тем и хороша,
Что ни убытка ей, ни барыша.

Ровесницы, невесты — ни одной.
Бездомный гость кухонной водки выпьет.
Он движется любовью приводной,
Но капитал не покрывает выплат.
А времени чрезмерная река
Уже подмыла дамбу дневника.

Храни, Господь, сады моих невест!
Твой добрый мир пускай стоит, как хочет,
Пока железа ржавчина не ест,
И червь напрасный дерева не точит.
Не прерывай бездомного пера.
Я заплачу, когда придет пора.

Пойдем играть, расставим шашки,
Дневная смена коротка.
Уже не вымолит поблажки
Оглухший гвоздь у молотка.
Оставим невидаль земную
В удел жестокому труду.
Я небо в клетку разлиную
И солнце в дамки проведу.

Поедем зимником убогим,
Пока на станции обед,
За черным воздухом глубоким,
За беглым воздухом побед.
Там дни высокие пернаты,
Сады в скрипичном серебре,
А нам железные пенаты
В короткой выпали игре.

Течение музыки недолгой
Нам перепутало ходы,
Покуда ласточки над Волгой
Таскали годы из воды.
Свернем работу без улыбки,
Пойдем играть, настроим скрипки,
Валторны стиснем у бедра:
Здесь только музыка — игра.

Задышается наша беседа,
Разговор застревает в зубах.
Над полями чужого посева
Не бегут провода на столбах.
Наши перья обиты асбестом,
Зеленеет гортанная медь.
И уже под домашним арестом
Языки, и пора онеметь.

Я словам обучался потея,
Как балету колодник в цепях.
Но язык — не такая потеря,
Чтобы жизнь обрывать второпях.
На границе чужого сознания
Мы с предметов стираем названья,
Не предчувствуя в этом вреда.
И прозрачны они, как вода.

Мы дороги мостим словарями,
Из грамматик возводим дома,
Чтобы жизнь коротать скобарями
В безымянной столице ума.
Чтобы плавать оторванной льдиной
По воде, голубой и единой,
Растворяющей все имена.
Словно воздух, прозрачна она.

Нелегкое дело писательский труд —
Живешь, уподобленный волку.
С начала сезона, как Кассий и Брут,
На Цезаря дроишь двустволку.
Полжизни копить оглушительный газ,
Кишку надрывая полетом,
Чтоб Цезарю метче впать промеж глаз,
Когда он парит над болотом.
А что тебе Цезарь — великое зло,
Что в смысле латыни ему подвезло!

Таланту вредит многодневный простой,
Ржавеет умолкшая лира.
Любимец манежа писатель Толстой
Бульжники мечет в Шекспира.
Зато и затмился, и пить перестал —
Спокойнее было Толстому
В немеркнувшей славе делить пьедестал
С мадам Харриет Бичер-Стоу.
А много ли было в Шекспире вреда?
Занятные ж пьесы писал иногда.

Пускай в хрестоматиях Цезарь давно,
Читал его каждый заочник.
Но Брут утверждает, что Цезарь — говно,
А Брут — компетентный источник.
В карельском скиту на казенных дровах
Ночует Шекспир с пораженьем в правах.

Меня любила врач-нарколог,
Звала к отбою в кабинет.
И фельдшер, синий от наколок,
Во всем держал со мной совет.
Я был работником таланта
С простой гитарой на ремне.
Моя девятая палата
Души не чаяла во мне.

Хоть был я вовсе не политик,
Меня считали головой
И прогрессивный паралитик,
И параноик бытовой.
И самый дохлый кататоник
Вставал по слову моему,
Когда, присев на подоконник,
Я заводил про Колыму.

Мне странный свет оттуда льется,
Февральский снег на языке:
Провал московского колодца,
Халат и двери на замке.
Студенты, дворники, крестьяне,
Ребята нашего двора
Приказывали: "Пой, Бояне!" –
И я старался на ура.

Мне сестры спирта наливали
И целовали без стыда.
Моих соседей обмывали
И увозили навсегда.

А звезды осени неблизкой
Летели с облачных подвод
Над той больницей люблинской,
Где я лечился целый год.

ДЕЛИРИУМ ТРЕМЕНС

*Белая горячка
Под моим окном...*

Что-то рассудком я нынче нетверд,
Самое время подать неотложку.
Кант и Спиноза, Косыгин и Форд
Сели на кухне, жуют понемножку.
В солнечном черепе мозг невесом,
Сердце в куски от неистовой ласки —
Выйду на кухню, пройдуся колесом,
Всех расцелую в припухшие глазки.
Вон, за трубой, различаете, кто там?
Это же Бойль со своим Мариоттом!

Гей, долгожданные, с кем по рублю?
Форда не трону, Косыгина тоже.
Канта я, в принципе, больше люблю,
Но и Спинозу обидеть негоже.
Форда за водкой гонять не с руки.
Канта трясет алкогольная рвота.
В комнате музыка. Бьют каблуки.
Бойль в полонезе ведет Мариотта.
Дверь нараспашку. Заходит сосед.
Справа Ортега, а слева Гассет.

Дырка во времени. Ищем иглу.
Сутки буксуют по липкому снегу.
Бойль Мариотта облапил в углу.
Пьяный Гассет раздевает Ортегу.
Форд и Косыгин на кухне пластом.

Кант к умывальнику прет, как торпеда.
Кто меня вышил болгарским крестом
На полотенце похмельного бреда?
Дырка во времени. Свет из окна.
Дверь нараспашку. Заходит она.

Голые лица. Пустой кабинет.
Вот мои пальцы – по-прежнему десять.
Имя и отчество. Имени нет.
Отчество есть – но к чему же привесить?
Гордый микроб на предметном стекле.
Вкрадчивый доктор – катись, образина!
Белый мешок на стерильном столе
Бьется навзрыд под иглой сульфазина.
Парочка мускулов, крови бадья –
Где же ты, девочка, птичка моя?

Липкая лимфа, кровавый бульон,
Легких костей новогодняя елка.
Странный диагноз: возвратно влюблен,
Редкая хворь азиатского толка.
В воздухе мозга до боли бело,
Темное слово, как муха в салате.
Смерть санитаром с косой наголо.
Жизнь пополам наутек по палате.
Стой же, дуреха! Пробило двена...
Дверь нараспашку. Заходит она.

Клейкие мысли, ночные коты,
Похоти поступь по крышам гудящим.
Разве я не был таким же, как ты,
Темноголовым и прямоходящим?
Прежнего тела теперь ни следа.
Тело берет флажолетную ноту.
Левую ногу люблю навсегда.

С правой приходится жить по расчету.
Долго хранит мой изящный скелет
Вражеской пули отчетливый след.

Флаг на лафете. Оструганный крест.
Над головой золотится икона.
Мне не подняться на мой Эверест,
Не перейти моего Рубикона.
Электрошоком пронзило виски.
Дни сочтены, как походные спички.
Режьте, кромсайте меня на куски,
Белые витязи анатомички.
Тих я и робок, того и гляди —
Сам в габардине, медаль на груди.

Бог изобрел притяжение планет
Кто ж о сердцах позаботится, Боже?
Имя и отчество. Имени нет.
Отчества нет. И фамилии тоже.
Вечная девочка, лед с молоком,
Жить не наука, любить не работа.
Спать тебе насмерть с моим двойником
В поте любви до предсмертного пота.
Где-то на воле под левым ребром
Женское сердце горит серебром.

Прежняя девочка, лед не вода.
Вексель подписан, но выплатить нечем.
Может, и не было нас никогда —
Что ж мы друг друга наотмашь калечим?
Свет между нами высок и упруг,
Сердце мертво, как вареная свекла.
Жизнь вырывается птичкой из рук,
Бьется с размаху в холодные стекла.

В лобные доли стучит белена.
Дверь нараспашку. Заходит она.

Форд, к фортепьяно! Косыгин, играй!
День на панели деньгу зашибает.
Что это, Господи – порванный край –
Дырка во времени – Кант зашивает.
Прошлое с будущим сводит игла.
Гонит аорта больничную плазму.
Нежные стоны плывут из угла:
Бойль Мариотта подводит к оргазму.
Рядом на койке потеет сосед,
Снизу Ортега, а сверху – Гассет.

Пой мне, Спинозушка, жарь о былом,
Лей по второму – авось одуреет.
Что же я дактилем пру напролом
Там, где верней деликатным хореет?
Ловкая смерть напрягла тетиву,
Ровная сила без примеси такта.
Стой, сумасшедшая, дай доживу,
Прежде умел – выходило же как-то!
Кажется, поздно – ору ни о ком.
Пляшет стрела под худым кадыком.

С Бойлем в порядке. Ортега хорош.
Форд подбивает Косыгина в Сочи.
День разменял сэкономленный грош,
С песней ползет по обочине ночи.
В ванную жизни войду не спеша –
Что мне привидится в зеркале голом?
Может, и вправду бессмертна душа?
Надо проверить бутылочным сколом.
Первая вена в надрезе видна,
Первая кровь заливает рубашку.

Сказано – сделано. Дверь нараспашку,
Дверь нараспашку – заходит она...

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТОЯНИЕ СНА (1978-1980)

- румяным ребенком уснешь в сентябре...* 9
я порядка вещей не меняю... 10
две недели без перемен... 11
отверни гидрант и вода тверда... 12
от самого райского штата... 13
как в застолье стаканы вина... 14
когда сплет на берегу... 15
вид медузы неприличен... 16
в этот год передышки от кутежей и охот... 17
еще я память пробую слегка... 18
вспоминаем о погромах... 19
в этом риме я не был катонем... 20
нет не полюса я покоритель... 21
(не притязая на глубину ума... 22
когда позволяет погода... 23
невесомости местный повеса... 24
снился мне волги привычный седан... 25
рано утром над рекой... 26
беззвучный рот плерома разевает... 28
писатель где-нибудь в литве... 29
в итоге игровой сечи... 30
что за несвойственные в голову... 31
в тесноте нефтеносной системы... 32
пока страна под меринком худым... 33
уже и год и город под вопросом... 34
какие случаи напрасные везде... 36
пока переживать созданию не больно... 38
как я выгляжу серьезно... 39
зачем луны румяный овощ... 40
над нами глумились тираны... 41

ничего не жалею теперь я...	43
невидимую жизнь морскую...	44
под каждым годовым делением...	45
я убит стремительным гранатом...	46
за ваши прелести толпа...	47
в ту пору была мне река велика...	48
под родительский кров возвращаются сны прямиком...	49
под светооборонными очками...	50
присуждают иксу кандидатскую степень...	51
предмет наблюденья природа...	52
на пыльных равнинах невады...	53
беотия иония...	54
судьба была сметана...	55
когда любовь слетается в орду...	56
отмерена жизнь славянину...	57
на шоссе убит опоссум...	58
мой сосед семен никитин...	59
парафиновый пар у рта...	60
когда летишь через атлантику...	61
апостолам истории...	62
госсекретарь в миру сенатор маски...	63
декабрьское хмурится в тучах число...	64
<i>Состояние сна. Поэма.</i>	65

ПИСЬМА НА ВОЛЮ (1970-1977)

С перрона сгребают взлохмаченный лед...	71
Бредит небо над голым полем...	72
Замутились живностью моря...	73
Что проку время понукать...	75
Да, это я. Таким себе кажусь...	77
<i>Баллада о лежащем на дороге...</i>	78
<i>Солнечная баллада...</i>	80
<i>Сентиментальная баллада...</i>	82
Что осталось от наших встреч...	84
По насыпям гуляет лето...	85

Опять в фаворе транспорт водный...	86
Несло осенними пожарами...	87
По венам протекает зной...	88
Нам нет сочувствия в пейзаже...	89
Я научился понимать...	90
Здравствуй, ветер, сентябрьский повеса...	91
На пригород падает ласковый сон...	92
<i>Цирк...</i>	93
<i>Царевич...</i>	94
У лавки табачной и винной...	96
Но вот сгустилось. Долго ожидали...	97
Стрельба без промаха, охота не в сезон...	98
Сознание прервано. Моля о промедленьи...	99
Третий день человек растерян...	100
Горящий контакт разомкнулся в груди...	101
Сотрутся детали рисунка...	102
Стекланный воздух, месяц медный...	104
Под заботливой кожей сгущалась продольная хорда...	105
Мне снился сон. Я шел ковыльным полем...	106
Понимаешь, дело не в режиме...	107
Напрягая подпругу...	108
Нас поднял зов свирели медной...	109
В земле чужой и непохожей...	111
Зачем на плацу не считали свинца...	112
Когда мой краткий век накроют волны, пенясь...	113
Манассия, Иуда, Симеон...	114
Судьба мне сулила тресковый кисель...	115
В трибунале топор не пылится...	116
Пронзало холодом до крика...	117
В похвальбу, из пустого геройства...	119
Ровесницы выходят за болгар...	120
Пойдем играть, расставим шашки...	121
Задыхается наша беседа...	122
Нелегкое дело писательский труд...	123
Меня любила врач-нарколог...	124
<i>Делириум тременс...</i>	126

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АРДИС“

А. Цветков, СБОРНИК ПЬЕС ДЛЯ ЖИЗНИ СОЛО

Ю. Кублановский, ИЗБРАННОЕ

И. Бродский, ЧАСТЬ РЕЧИ

И. Бродский, КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ

С. Липкин, ВОЛЯ. Избранное

Н. Горбаневская, ПОБЕРЕЖЬЕ

Э. Лимонов, РУССКОЕ

В. Уфлянд, ТЕКСТЫ

А. Ахматова, ПОЭМА БЕЗ ГЕРОЯ

К. Вагинов, ПУТЕШЕСТВИЕ В ХАОС

А. Введенский, ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Н. Гумилев, ОГНЕННЫЙ СТОЛП

Н. Заболоцкий, СТОЛБЦЫ

С. Есенин, ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

М. Кузмин, ФОРЕЛЬ РАЗБИВАЕТ ЛЕД

О. Мандельштам, КАМЕНЬ

В. Маяковский, ПРО ЭТО

В. Набоков, СТИХИ

С. Парнок, СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Б. Пастернак, СЕСТРА МОЯ ЖИЗНЬ

В. Ходасевич, ТЯЖЕЛАЯ ЛИРА

М. Цветаева, ЛЕБЕДИНЫЙ СТАН

С. Соколов, ШКОЛА ДЛЯ ДУРАКОВ

С. Соколов, МЕЖДУ СОБАКОЙ И ВОЛКОМ

ISBN 0-88233-712-2